

2. Москва
Театр-студия
"У Никитских ворот"

МОСГОРСТРАВА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
СТРОИТЕЛЬНАЯ
ГАЗЕТА

16 ЯНВ 1988

г. Москва
а. 1174

ОСТАЛАСЬ БЕЗ ХРАМА МЕЛЬПОМЕНА

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

Театр уже пойдом. Влезают ложи. Негерметично рукоплещет раек. Уме поднимается занавес и кто спешит по ногам вдоль кресел. Спектакль начался. А сам театр начинается, конечно, с вешалки. Если она есть. Впрочем, как и ложи, раек, кресла, занавес. А если нет? Тогда он начинается с подъезда.

А ЕСЛИ нет и театрального подъезда? «Ну, тогда нет и театра» — означает неискушенный зритель. И не только он. Артисты тех театров, о которых пойдет речь, примерно так же говорят о своих «храмах Мельпомены».

Театры, конечно же, есть. И анализируют на всех спектаклях, шумный гостевой успех Московского государственного театра балета под руководством Н. Касаткиной и В. Васильева (бывший «Классический балет») и театр-студия «У Никитских ворот» — тому свидетелем. Их истории у них почти одинаковые, с той лишь разницей, что у театра-студии свой подъезд есть, а у театра балета и того нет.

Еще год назад вся театральная студия Москва знала, что спектакль Марии Розовской и его студии «У Никитских ворот» нужно «ловить» в Доме медиков на улице Герцена, где располагалась студия. Зал там был прекрасный — около ста мест, билеты бесплатные, студия любительская. Попасть было невозможно. Год назад студия включилась в эксперимент, получила статус профессионального театра и выехала на хоррасвет. Получила помещения на той же улице Герцена — над кинотеатром «Повторного фильма», естественно, потеряла студию в Доме медиков, повесила на двери табличку, и... теперь вся театральная Москва мечтает на клубе в клуб, на сала в зал, со стадиона на стадион в поисках «потерянных» спектаклей Марии Розовской.

Любители балета — люди менее избалованные. Как два года назад искали спектакли ансамбля «Классический балет» по всей столице, так и теперь ищут, только уже Московского государственного театра балета. Театра, который, имея свое здание на Скаковой улице, ютился под чердаком школы-студии МХАТ в двух залах и узком коридоре.

Как же получилось, что два любимых московских театра оказались без крыши над головой? Не будем говорить о долготрое. Долготрое пока нет. Пока.

Когда я пришла в театр-студию, Марк Розовский был на репетиции в ТЮЗе. «Кто-нибудь» — подумала и оглядела ремонтный развал, — решила ехать здесь еще месяц, но работы не будет. Да, на втором этаже дома № 23 по улице Герцена, в бывшей квартире № 8 строительство действен-

тельно идет. Правда, медленно. Как сначала в театре, «на личных контактах». На личных контактах заключили договор с Метростроем о найме рабочих и с Главмосветотрасом о поставке машин. На личных контактах помогает театру МХК «Сапфир». Нет главного: планового снабжения строительными материалами и включение в план Генподрядчика, как, впрочем, и самого Генподрядчика.

Изначально была у студийцев идея построить театр Скаковой ругаем во время суботников. За несколько вечеров смонтировать сцену и повалы, что так можно строить всю жизнь. И все же эта проблема разрешилась, и Мосгорплани, надеюсь, включит в планы строительство театра. Интересно другое: как сможет строиться театр в квартире, где проживают тринадцать семей? Да, да, тринадцать, а жить не выходящих, ведь не ведающих, что давно должны покинуть свое жилье. Дело в том, что, дав театру ордер на выселение в квартиру № 8 в 8, исполком Моссовета «забыл» дать ордер на выселение жильцов из девятой квартиры. Истатья, именно в ней должна быть большая сцена, а в нижней, восьмой, лишь репетиционная база. Так что без этой «нехорошей» девятой квартиры театру — никуда. Расселить жильцов своими силами он, естественно, не может. Ситуация тушюровая, абсурдная.

Театр балета, казалось бы, в лучшем положении: ему выселить никого не надо. И даже отремонтировано для дирекции театра одно из зданий комплекса бывшего Коношенного двора на Скаковой, переданного театру два года назад. Теперь, в школе-студии МХАТ освободится для артистов несколько комнат. В следующем году начнутся (только начнутся!) противозавиарные укрепительные работы, но артисты рушатся на глазах. А пока по заваяу Министерства культуры СССР ведется сборка фотосъемки, подготавливаются и разрабатываются кино-съемочная документация. Театру предложено укрыть сгнившую крышу брезентом; дескать, театр Москвы, иностранцы едут, гостиница «Советская» рядом. А тут такая беда-да — гнилая крыша. Да еще на театре! Да еще на памятник архитектуры. Неприятно.

Уважаемые товарищи индорежиссеры! Если вы планируете снимать фильм о войне, присмотритесь на Скаковую улицу в бывшая Коношенный

двор! Лучшие московские режиссеры живут в этой Прекрасной съемки с натурой обеспечены!

И Х МОЖНО назвать романтиками. Один мечтает о создании культурного центра на улице Герцена. О личных спектаклях в маленьком внутреннем дворике, литературных вечерах и интуитивных в кафе «У Никитских ворот», модажской студии и выходов в фотолaborатория...

А сегодня... Репетиции на случайных площадках, бескомпромиссные выжидательные расстрелы, «трагизирование» и «заигрывание» спектаклей на стадионах.

За год эксперимент театр М. Розовской поставил два спектакля: «Два существа в бездальности» (по романам С. М. Довлатова «Безы» и «Преступление и наказание») и пьесу руководителя театра «Концерт Висоцкого и Нины». Гостиница третий — «Гамбринус» по А. Куприну. В труппе 20 актеров, каждый из которых выполняет также обязанности режиссера. Зарплата рабочего смены, артистическая — 300 рублей. Хоррорчет полностью оправдался.

Театр балета В. Васильева и Н. Касаткиной — единственный в стране поставил в бывающей Пушкинской год музыкальный спектакль о пионерском участнике ликвидации, включив в него маршальский портфель А. С. Пушкиным. Театральная пресса обмолвил спектакль молчаливо.

В театре «У Никитских ворот» мне сказали: театр начнется тогда, когда будет помещен. Запланировал первый год эксперимента. Впереди еще один — второй и последний. Выходит, что и концы эксперимента театр только начнется, а сейчас его и в помине нет?

Эксперимент продолжается. И если кто-то в него включается, то, значит, надеется на то, что этот эксперимент преуспевает. На пустом месте ничего не растет.

Впрочем, такие эмоциональные предложения не только эксперимент, но творчество вообще. Формула «талия» должна быть голымым» давно не работает. Зато работает другая, заглядывающая себя превращением, но от этого не менее верная: «Ты — мне, я — тебе». Ты мне стройматериалы, помещение, сцену; я тебе прекрасный спектакль, горение мысли и чувств и восход поматриальной — прибыль допустимым советским рублем, а то и долларом.

Нет, талант не может быть голымым. А собственно, почему он должен существовать на птичьих правах и ходить с протянутой рукой? Но так уж устроен талант — требовать он не умеет.

Так давайте его добить, давайте о нем заблудиться. Давайте дарим ему крышу над головой и тепло. Иначе он может погибнуть.

О. ШУМАЦКАЯ.